

Восход солнца на пике Сяоци — это нечто особенное.

Бледно-золотистый свет, словно разрушая всё на своём пути, распространялся сквозь густые облака, и вскоре остался лишь тонкий слой облаков, который, словно лёгкий золотистый туман, окутал горные вершины, создавая впечатление мимолётного видения.

Мартовский ветер был мягким и ласковым, нежно касаясь глубоко-каштановых длинных кудрей женщины. Чэн Чжаньси подняла руку, кончиком кисти, зажатой между тонкими белыми пальцами, поправила прядь волос у уха. Её глаза были глубокими и ясными, сосредоточенно устремлёнными на почти завершённую, яркую и разноцветную картину перед собой.

На вершине горы царила полная тишина.

Солнце вышло из-за облаков, и небо становилось всё более прозрачным, словно зеркало, вымытое чистой водой, обширное и спокойное.

Чэн Чжаньси опустила палитру, взяла кисть и промыла её в скипидаре.

Терпеливо и аккуратно убрав все инструменты, она выпрямилась перед холстом, повернула голову в одну сторону и помахала рукой.

Из-под дерева неподалеку от вершины быстро подбежала служанка семьи Чэн.

Служанка взглянула на картину, где линии и цветовые пятна образовывали масляную живопись. Крупные мазки цвета, причудливые и изменчивые линии, хаотичные и лишённые системы, на первый взгляд казались случайными брызгами краски, яркой и пёстрой палитрой, ослепляющей зрителя.

Она осторожно отвела взгляд, но в душе не испытывала ни малейшего пренебрежения.

Ведь она знала, что за эту картину, которая, казалось, не имела ничего общего с настоящим восходом солнца, на аукционе можно было выручить сумму, которую она, возможно, никогда не сможет накопить за всю жизнь.

Мир художников всегда трудно понять обычным людям.

Чэн Чжаньси сняла запачканный краской светло-зелёный фартук, повесила его на стул и мягко сказала:

— Позже отнесите всё это в мастерскую на втором этаже. Извините за беспокойство.

— Это моя обязанность, мисс, не стоит благодарности.

Чэн Чжаньси улыбнулась.

Она направилась к стоящему неподалеку тяжёлому байку, перекинула ногу через седло. Её черты были прекрасны и ярки, словно вечно цветущий цветок, что и без того привлекало внимание, а высокий рост и длинные стройные ноги лишь добавляли ей очарования. Сидя на байке, она легко поставила ноги на землю. Для обычной девушки такой тяжёлый байк казался бы слишком громоздким, но для неё он был в самый раз, добавляя ей дикой красоты.

Чэн Чжаньси взяла шлем, висевший на зеркале заднего вида, и уже собиралась надеть его, когда услышала почтительный голос служанки:

— Управляющий приехал, он ждёт вас в вилле.

Чэн Чжаньси слегка замерла, но затем спокойно надела шлем, застегнув его под подбородком.

— Поняла. — Она опустила козырек шлема, и на её губах появилась легкая улыбка.

Её мать действительно была настойчива, настаивая на том, чтобы она встретилась с мисс Вэй — своей невестой, свалившейся с неба. Молодая и талантливая художница Чэн Чжаньси в двадцать шесть лет вдруг узнала, что у неё есть невеста, с которой она была помолвлена с детства, дочь третьего сына семьи Вэй.

Эта мисс Вэй была весьма загадочной.

Сыцзючэн — город не слишком большой, но и не маленький. Семьи Чэн и Вэй принадлежали к столичной знати, и они часто встречались, но Чэн Чжаньси так и не видела мисс Вэй, даже имени её не слышала. Её мать, должно быть, знала, но Чэн Чжаньси, будучи свободолюбивой, крайне негативно относилась к таким традиционным бракам по расчёту — даже если мать лишь предлагала познакомиться, — поэтому она даже не спрашивала. Каждый раз, когда мать заводила речь о мисс Вэй, она уклонялась от разговора, либо находила предлог, чтобы заняться чем-то другим.

Поэтому в её представлении мисс Вэй оставалась просто тремя иероглифами — «мисс Вэй», и было ей всё равно, красива она или уродлива, круглая или плоская.

На этот раз мать даже прислала управляющего, что говорило о её решимости. Возможно, когда она вернётся, мисс Вэй уже будет у неё дома, поджидая её, чтобы заставить встретиться.

Но...

У Чэн Чжаньси уже был план.

Если бы не необходимость закончить картину, она бы не позволила матери изо дня в день надоедать ей дома.

Сегодня картина была закончена, и можно было приступать к реализации плана.

***

Чэн Чжаньси жила одна в уединённой вилле на горе. Когда она рисовала, ей нравилось, чтобы было тихо, поэтому сюда редко кто-то приходил, чтобы побеспокоить её.

Кованые ворота виллы были открыты. Чэн Чжаньси остановила байк у входа, сняла шлем, запрокинула голову, встряхнула длинные кудри и вдруг улыбнулась.

К ней подошёл красивый мужчина средних лет в белой рубашке, чёрном жилете и чёрных брюках, напоминая английского джентльмена викторианской эпохи. Это был управляющий главной резиденции семьи Чэн, дядя Дэн, который знал Чэн Чжаньси с детства.

— Чжаньси.

— Доброе утро, дядя Дэн.

— Доброе утро. — Дядя Дэн сразу перешёл к делу, мягко сказав:

— Твоя мама попросила меня отвезти тебя домой.

— Хорошо. — Чэн Чжаньси слегка улыбнулась, изящно поклонилась и сказала:

— Я сначала переоденусь, подождите, пожалуйста.

Дядя Дэн взглянул на её серую тонкую куртку и рабочие брюки, а также на краску, случайно попавшую на манжеты, и мягко кивнул:

— Тогда я подожду у входа.

Дядя Дэн проводил её взглядом до дверей на первом этаже, затем сделал жест чёрному «Бентли», стоящему неподалеку. Водитель подогнал машину, задняя дверь оказалась напротив входа. Дядя Дэн подошёл к задней двери, выпрямившись, спокойный и собранный, его руки в белых перчатках были готовы открыть дверь для Чэн Чжаньси.

Чэн Чжаньси переделалась, умылась, одной рукой приоткрыла занавеску и из окна спальни на втором этаже украдкой посмотрела наружу, набирая номер на телефоне.

...

Чэн Чжаньси вышла из дома. Она не стала слишком наряжаться, даже не нанесла макияж, но её кожа всё равно выглядела гладкой и сияющей. На ней была классическая белая рубашка с вышивкой, с двумя пуговицами у ворота, расстегнутыми, обнажая прямую и соблазнительную белую ключицу, а также цепочку с шариком, свисающую прямо по центру ключицы. Слегка свободные бежевые брюки облегли её стройные ноги.

Дядя Дэн поклонился и открыл заднюю дверь.

Но вместо вежливых слов благодарности от Чэн Чжаньси, в ушах раздался низкий и мощный рев двигателя тяжёлого байка.

— Дядя Дэн, передайте маме, что я уехала на пленэр, вернусь через год-полтора...

Серебристый байк, словно молния, внезапно разорвал спокойный пейзаж, оставив за собой сильный вихрь и поднимая клубы пыли. Слово «вернусь» прозвучало вместе с остаточным изображением проносащегося мимо байка, его эхо медленно достигло ушей дяди Дэна.

Дядя Дэн удивлённо расширил глаза.

— До свидания, дядя Дэн, когда вернусь с пленэра, угощу вас обедом...

Когда Чэн Чжаньси, повернувшись к нему спиной, подняла руку, вежливо помахав на прощание, её белая рубашка светилась в лучах солнца, сочетая в себе нежность и мужественность, он не мог не покачать головой с улыбкой.

Постояв на месте несколько мгновений, дядя Дэн достал телефон и позвонил маме Чэн Чжаньси.

— Мадам, мисс сказала, что уехала на пленэр. Вернётся не скоро, через год-полтора.

— Какой ещё пленэр, красиво говоришь, просто надоело тебя слушать, хочется тишины, — сказала мама Чэн Чжаньси. — Ладно, возвращайтесь.

— Хорошо.

— Всего-то встретиться, а будто смерть её принимает.

Дядя Дэн с улыбкой утешил её:

— Мадам, нынешняя молодёжь ценит индивидуальность. Чем больше навязываешь, тем сильнее они сопротивляются.

— Знала бы я, устроила бы их случайную встречу, а теперь вышло так... — вздохнула мама Чэн Чжаньси.

...

Пока мама Чэн Чжаньси ломала голову, как объяснить семье Вэй, что её дочь уехала на пленэр, Чэн Чжаньси уже села на поезд до Сычэна.

У неё была подруга в Сычэне, и как раз директор местного художественного музея пригласил её на выставку, что было очень кстати.

В Сычэн не было прямого аэропорта, и Чэн Чжаньси решила проехать на поезде, чтобы насладиться путешествием по стране. Она купила билет в спальный вагон, оставила байк неподалеку от вокзала, попросив подругу забрать его и присмотреть за вещами, которые она заранее подготовила для этого «побега от свадьбы».

Напротив неё сидели мать с дочерью. Мать была молодой, выглядела на её возраст, а дочери было лет пять-шесть, в белом платье, красивая и аккуратная, тихая и послушная, она не шумела всю дорогу.

Чэн Чжаньси достала из рюкзака альбом для набросков и начала рисовать пейзажи за окном.

Она услышала, как молодая мама сказала своей дочери:

— Мама, пойди, за водой. Ты, здесь, жди, хорошо.

Фразы были странно построены, и говорила она очень медленно. Чэн Чжаньси на мгновение остановила руку, подняла голову и посмотрела на них.

Девочка тоже смотрела на неё, но, встретившись взглядом, сразу же отвела глаза и прижалась к спинке кровати, сжав губы, так и не заговорив.

Чэн Чжаньси вежливо отвела взгляд.

Но в душе у неё зародилось предположение.

<http://bllate.org/book/16859/1552357>